

ОБ АРТИСТИЧЕСКОЙ МАГИИ И РАСКОЛЕ В СРЕДЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Писатель, режиссёр, журналист Михаил КРУПИН отвечает на вопросы заместителя главного редактора газеты «ЗАВТРА» Андрея ФЕФЕЛОВА



Андрей ФЕФЕЛОВ. Нынешний этап развития кино довольно сложен. Я не стану снова говорить о том, как великий советский кинематограф выгодно отличался от нынешнего. Вопрос теперь в другом: в чём специфика нынешнего этапа развития российского кинематографа, в какой точке шкалы развития мы сейчас находимся? Давай для примера возьмём "Чебурашку".

Михаил КРУПИН. Замечательно, это уже конкретика. После успеха "Чебурашки" российские кинематографисты неохотно поняли, что детское или, как его теперь называют, семейное кино может быть прибыльным. Особенно когда речь идёт о "перепевах" тех чудесных фильмов, которые полюбились родителям, бабушкам и дедушкам современных детишек, то есть ещё в их собственном советском детстве. Почему бы не повести на ремейки или сиквелы таких фильмов собственных детей или внуков? Оказалось, что подобное кино прокатывается очень здорово. Даже детективы и хорроры, то есть самые, казалось бы, популярные жанры, часто у нас проваливаются. Вообще кино — очень рискованный вид бизнеса, а здесь вдруг — один коммерческий успех за другим. Я говорю именно об успехе в прокате. Иной зритель может выйти из кино разочарованным, но он билет уже купил. ... Поэтому считать ли фильм художественной удачей — вопрос отдельный, однако прибыль-то уже получена.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Ты упомянул такие жанры, как детектив и хоррор. Всё это в промышленных масштабах производится на Западе, теперь уже и на Востоке, например в Южной Корее. Таким образом хорроры и детективы оказываются уже не столь востребованы. А вот то, что ты называешь перепевами любимых детских мультфильмов и фильмов-сказок, — продукт более или менее уникальный. Если не считать его вторичности в рамках именно нашей культуры.

Михаил КРУПИН. Да, эту уникальность обеспечивает тот простой факт, что фильмы-первоисточники давно стали частью нашего "культурного кода", нашей общей памятью. Заметим: то, что дорого нам, для европейского зрителя никогда не имело значения. А вот если наш зритель выбирает между отечественным и западным триллером, то, скорее всего, всё-таки выберет западное кино. Именно так созрел этот жанр, там давно отлажены сценарная и режиссёрская школы. Алгоритмы этих фильмов уже тысячи раз выверены ("фокус-группами" мирового кинорынка. Поэтому и наш зритель уверен, что не столкнётся в кинозале с провисанием сюжета, грубыми логическими нестыковками или каким-то непонятным кастингом.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я бы тут посопирил. Сценарная культура, мне кажется, сегодня и на Западе деградирует. При этом качество съёмки кажется практически идеальным.

Михаил КРУПИН. Мы тоже давно научились "ставить свет", молодецки лавировать камерами по всем направлениям. В целом — операторская работа у нас уже практически голливудского уровня. Что же касается качества сценариев, режиссуры, актёрской игры... и у нас, и у них эти позиции надо оценивать индивидуально в

каждом случае. То есть для каждого фильма. Кино из всех искусств, пожалуй, самое сложное и трудоёмкое. Я здесь говорю не о бюджетах, а о том, что каждый раз результат зависит от слаженной работы большой группы "творцов" — сценариста, режиссёра, композитора, оператора, художника, актёров и подвластных им профессиональных цехов. Причём дорогостоящую съёмочную смену, организованную в определённой локации, "переснять", "подправить" уже не получится. Этим кинопроизводство отличается от всех других искусств — литературы, театра, музыки, живописи. В этих искусствах творец может долго доводить своё произведение до совершенства или, по крайней мере, до того состояния, когда самому всё понравится. Кино же лишено этой возможности: вот как вся группа напряглась-сработала здесь и сейчас — в эти минуты! — так всё в кадре и останется. Ты зрителю титрами потом не напишешь: вот здесь до нас произошёл форс-мажор, здесь прогноз погоды "подкачал", здесь произошла авария при переезде, а здесь у актрисы поднялась температура. Порою эти форс-мажоры даже сценарий меняют до неузнаваемости. Поэтому, когда я вижу какие-то орехи в работах коллег, я всё равно понимаю, какой огромный труд стоит за фильмом, каких "крови и пота" всё это стоит. В такие моменты я просто чувствую боль, и не хочется оценивать коллег свысока. Хотя сам никогда не прошу о снисхождении.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Меня лично травмирует использование русской классики в коммерческих целях. Несколько лет назад вышел фильм "Онегин", где пушкинские строки переломали в прозу, главного героя сделали пятидесятилетним потёртым сквайром, да и Татьяна в фильме хорошо за тридцать. И тем не менее, коммерчески, как мне сказали, картина оказалась успешной. Статистику фальсифицируют? Или достаточно написать на афише "Онегин", чтобы я пошёл на фильм, потому что я самозабвенно люблю Пушкина? И я опять-таки попался, ибо билеты проданы...

Михаил КРУПИН. Выносим "просветительскую" мотивацию за скобки. Коммерческий расчёт наших продюсеров в том, что родители школьника, не способного физически прочесть "Онегина", так как его "наставники" в гаджетах тянут совсем в другую сторону, обязательно поведут своего игромана-оболтуса на фильм, где он хотя бы узнает основные линии сюжета пушкинского произведения и получит свою тройку по литературе. Но самое неприятное здесь то, что российский школьник благодаря таким фильмам получает совершенно превратное представление о русской классике. Уж лучше совсем ничего, чем такое... Ведь прежде, как мы знали, работали такие алгоритмы самовоспитания: юный человек, взрослея, зачастую сам испытывал желание снова взять в руки книги Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Булгакова... А после просмотра таких фильмов едва ли его руки к этим книгам потянутся.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Какая печальная картина. То же самое происходит и с другими культурными названиями: "Волшебник Изумрудного города", "Бременские музыканты", "Буратино"... Всё это уже когда-то отзывалось, отремело, осталось в памяти, и людям просто интересно посмотреть, как оно

выглядит теперь. Получается простая эксплуатация бренда. То же самое произошло с "Мастером и Маргаритой".

Андрей ФЕФЕЛОВ. Какова судьба "Холмов" сегодня?

Михаил КРУПИН. После премьеры возник некий резонанс. На рекламу и серьёзные анонсы денег не было, но о фильме писали журналисты и кинокритики, выходили статьи в "Литературной газете", газете "Семь дней" и других изданиях. Сейчас — фестивальны́й сезон. На международном кинофестивале "Врата Сибири" в Тюмени фильм вышел в финал, и работа Саши Ильина была признана лучшей мужской ролью. На новом фестивале "Золото Котловки" картину признали лучшим полнометражным драматическим фильмом. Надеюсь, впереди ещё осенние фестивали, но определённое внимание профессионального сообщества картина уже получила, что приятно.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Обратимся теперь уже к твоему драматургическому творчеству. Ты написал киносценарий "На минус первом этаже войны", посвящённый специальной военной операции, затем ты превратил этот сценарий в пьесу и поставил под названием "Мы за ценой не постоим" в Кинешемском драматическом театре имени Островского. Я был на одном из показов, в зале было много школьников. Самое интересное, что никто не отвлекался, не шумел и не бросался бумажками, хотя я знаю, как это обычно бывает. После спектакля дети выходили с сосредоточенными, осмысленными лицами. Многие девочки плакали. И действительно, в спектакле много сильных, трагических сцен. И хотя Кинешма — небольшой город Ивановской области, театр там очень серьёзный.

Михаил КРУПИН. Это театр с большим зрительным залом примерно на шестьсот пятьдесят мест, с отдельным малым залом, "малой сценой". Он возвышается над волжским крутым берегом неподалёку от старинного собора — практически вровень с его куполами. В девяностые годы Наталья Викторовна Суркова буквально спасла театр. Это ведь места Островского, неподалёку находится его музей-усадьба, поэтому театр носит его имя. А теперь в театре ежегодно проводится Международный фестиваль "Островский-фест", съезжаются театральные коллективы из Франции, Китая, Омана, Ирана, Ирака, всегда — из Беларуси, Казахстана, многих других стран и многих городов нашей страны, включая Санкт-Петербург и Москву.

Андрей ФЕФЕЛОВ. В Кинешме мне говорили о том, что постановки об СВО не всегда принимаются театральным сообществом. Речь о внутренней конъюнктуре этой среды, которая порой не совпадает с государственной. Я знаю не понаслышке, как долго не удавалось собрать актёров для фильма по сценарию Александра Проханова. Многие тогда отказались сниматься, потому что картина касалась тем Донбасса и Русской Весны. Поэтому постановка такого спектакля в Кинешме — ещё и гражданский поступок, на который далеко не все художники решаются.

Михаил КРУПИН. Театральное и кинематографическое сообщество у нас очень неоднородны: то, что является "делом чести" для одной группы, другая группа товарищей категорически отвергает. Многое зависит и от определённых влиятельных страт, остающихся обычно в тени. То, какое направление они в тот или иной момент поддерживают, определяет репертуар многих театров и престижные награды режиссёров, худруков.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я много думал на эту тему. Пришёл к такому выводу: многие культурные площадки и гуманитарные структуры современной России имеют не отечественное, а, так сказать, импортное происхождение. В Советском Союзе существовала собственная, сложно устроенная система кинематографа, театра и литературы: киностудии, издательства, журналы, сценарные и театральные школы. Все эти элементы были связаны между собой, являлись частью громадной оригинальной советской модели, включающей в себя в том числе и творческие союзы. После разрушения этой модели в 1991 году институты быстро деградировали или были полностью уничтожены, а на их место зашла чужая "мягкая сила" с уже готовыми организационными и финансовыми моделями. Эти структуры довольно быстро получили свой местный кадровый состав. Когда мне говорят: "Посмотрите, как хорошо либералы умеют организовываться, какая у них спайка", я отвечаю: не смешите меня вашими спайками, не они создали эту систему, их просто отобрали и встроили в существовавшую, давно придуманную модель. Теперь эти по факту международные структуры со скрипом становятся национальными, потому что зарубежные центры влияния фактически перестали их поддерживать.

Михаил КРУПИН. Если раньше они направлялись извне, теперь их отпустили в "свободное плавание". Поэтому они вынуждены лихорадочно искать новые точки опоры, решать, к кому примкнуты.

В их поведении ясно прослеживается некое метание.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Существуют ли сегодня в российских театрах другие постановки об СВО, кроме твоей?

Михаил КРУПИН. Мы уже говорили о том, как трудно было пробывать сценарии и спектакли, посвящённые СВО, в 2022-м и даже в 2023 году. Но постепенно стали появляться первые ласточки. В арт-кластере "Таврида" начали специально разрабатывать художественные произведения об СВО, основанные на реальных событиях. В итоге появилось, кажется, двенадцать пьес. В 2024 году их поставили в десяти городах России. На мой взгляд, это очень мало, общественного резонанса почти не возникло, но всё-таки начало было положено. В первую очередь такие спектакли появились в Сибири — в Кемерове, в Омске... Затем Владимирский драматический театр поставил на большой сцене спектакль "Мир во время войны" по роману "Собиратели тишины", автор которого Дмитрий Филиппов пошёл добровольцем на фронт. В Москве "Табакерка" поставила спектакль "Позывной "Тишина". Конечно, зал там небольшой, соответственно, приток зрителей ограничен, но это один из культовых театров Москвы. При этом далеко не все города из тех десяти, где появились военно-патриотические постановки, являющиеся областными центрами. Например, спектакль "Дневник добровольца" поставили в небольшом городке Гремячинск Пермского края, но посмотреть его приезжают зрители из Перми и Екатеринбурга. Похожая история произошла в Бердске Новосибирской области. Удивительная вещь: крупные города эту тему почти не поднимают, и небольшие берут инициативу на себя. И это понятно — ведь "мягкая сила", о которой мы говорили, представляла своих именно по крупным городам, а маленькими, обречёнными в их понимании на быстрое вымирание, "хозяева мира" почти не занимались.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А сегодня именно малые города несут значительную часть ноши, связанной с СВО.

Михаил КРУПИН. Они несут её в прямом смысле слова. Кинешма и другие российские города непосредственно участвуют в этом противостоянии. Едва ли приехал в театр, его сотрудники сказали мне: "Сходите на наше кладбище, поклонитесь нашим флагам". Из этих небольших городов на фронт ушло очень много людей, многие погибли. Поэтому мы обязаны были поставить хороший и честный спектакль. Я понимал, что в зал могут прийти матери, жёны и сёстры погибших, а также близкие тех, кто воюет сейчас. Думаю, поэтому и наша постановка в Кинешме неожиданно вызвала большой интерес в городе и во всей области. На неё шли школьники, ветераны СВО, бойцы 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. После спектакля они делились со мной впечатлениями и воспоминаниями. Каждый рассказывал какой-то эпизод. В результате у меня уже набралось материала ещё на несколько фильмов и спектаклей.

Андрей ФЕФЕЛОВ. От души хочу поблагодарить тебя за эту работу. Я видел спектакль и, повторюсь, был восхищён. С одной стороны, это драма нынешней войны, с другой — наша история. Особенно сильное впечатление производят вживлённые в спектакль проекции Великой Отечественной войны. Прекрасна и драматургическая идея подвала, где прячутся от бомбардировок мирные жители, и там же разворачиваются основные события. Я очень надеюсь, что спектакль покажут не только в Кинешме, но и в Москве. При этом твой сценарий вполне может стать основой будущего фильма. Почти всё происходит в одном помещении, хотя сама история устроена достаточно сложно.

Михаил КРУПИН. В кино можно было бы показать и то, что происходит снаружи. Но для театра замкнутое пространство оказалось особенно выгодным. Мы отчасти вернулись к классическому единству времени и места: действие сосредоточено в подвале, куда сначала входят бандеровцы, затем наши воины, а наверху происходит главное противостояние — не только физическое, но и духовное. Оказалось, что эта тема действительно волнует людей, потому что напрямую касается их жизни. Все шесть майских показов прошли при полном зале, а по итогам зрительского голосования спектакль стал лидером минувшего театрального сезона.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Остаётся пожелать, чтобы другие драматурги и кинематографисты брали с тебя пример, лично соприкасалась с темой войны, и вносили свой вклад в общее дело.

Михаил КРУПИН. Кстати, интерес к постановке уже обозначен Департаментом культуры Министерства обороны. Они предложили помощь в организации гастролей моего спектакля по военным частям. Также рекомендовали подать заявку на Премию Минобороны и произвести определённую работу, чтобы показать спектакль в Театре Российской Армии в Москве. Так что будем действовать и дальше в этом направлении.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru